

Для цитирования: Квятковский, Г. Ю.
«Цифровой апгрейд» человека /
Г. Ю. Квятковский, Е. В. Гредновская,
Г. Т. Кульжанова // Социум и власть. — 2026. —
Т. 23. — № 1. — С. 63–75. — EDN RKZLJS.

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

EDN RKZLJS
BAK 5.7.7, 5.7.8
УДК 101.1:304.4 + 101.1:316 + 004.5

«ЦИФРОВОЙ АПГРЕЙД» ЧЕЛОВЕКА

Квятковский Георгий Юрьевич,
Южно-Уральский государственный университет
(Национальный исследовательский универси-
тет),
доцент кафедры философии,
кандидат социологических наук,
Челябинск, Россия.
SPIN 2026-5850
ORCID 0000-0003-3542-5626
E-mail: kwiatkowski_geor@mail.ru

Гредновская Елена Васильевна,
Южно-Уральский государственный университет
(Национальный исследовательский универси-
тет),
заведующий кафедрой философии,
кандидат философских наук,
Челябинск, Россия.
SPIN 9097-0280
ORCID 0009-0005-0260-5438
E-mail: nebytiya_net@mail.ru

Кульжанова Гульбарам Тимеркановна,
Костанайская академия МВД Республики Казах-
стан им. Ш. Кабылбаева,
профессор кафедры общеправовых дисциплин,
кандидат философских наук,
Костанай, Республика Казахстан.
SPIN 4441-0882
ORCID 0000-0001-6639-6683
E-mail: Gulbaram2012@mail.ru

АННОТАЦИЯ

Введение. Для современного мира характерна своеобразная «мода на цифровизацию», когда цифровая копия достраивается ко всему в неограниченном количестве. В этой связи авторы статьи обращаются к угрозам и рискам, связанным с цифровыми инновациями, а также к поискам путей осмысления идей прогностического и превентивного характера. Процессы компьютерной модернизации, создания цифровых двойников не только неживых объектов, но и человека, требуют концептуального обоснования своего рода «цифрового апгрейда» человека, набирающего обороты в последние годы, что заявлено в названии публикации.

Цель. Исследование направлено на анализ попыток сконструировать цифровой аналог человека и постоянно его совершенствовать: от создания цифрового профиля или аватара как средства идентификации в цифровом мире и цифрового паспорта в медицинском учреждении до цифрового бессмертия и проектов «выгрузки» сознания на внешний носитель.

Материалы и методы. Исследование опирается на системный, антропологический и аксиологический подходы, позволяющие выявить взаимосвязь между цифровыми технологиями, ментальными формами воздействия и эмпирическим материалом по их применению в различных областях.

Научная новизна исследования. Предложено осмысление философских оснований идеи «улучшения» человека и общества. Представлено концептуальное обоснование «цифрового апгрейда»: от процессов компьютерной модернизации к созданию цифровых двойников. Рассмотрены специфика и роль «цифрового посредничества» в инкультурации современного человека в контексте технологий «улучшения» человека.

Результаты. Сформулирована типология упрощений человека как системы, перенесенных в редуцированном виде с технических систем (в роботехнике, кибернетике, информатике и т. д.) на человека, когда различия между человеком и техническими системами как объектами теряются. Установлено, что примеры подобных упрощений, широко представленные в работах наших современников, использующих инструментарий философии для манифестации утопических технократических идей, имеют социально-психологический характер. Приведены принципы, фундирующие аналогии между человеком и компьютером, применение к его познанию и преобразованию принципов кибернетических систем (принцип декомпозиции, открытости, совместимости). Обозначена специфика «цифрового посредника» как технологии «улучшения человека» в эффектах «цифрового разлома» в процессе социокультурного становления пользователей молодого поколения.

Выводы. Понимание «апгрейда человека» как технико-технологического преобразования человеческого тела и помещенного внутрь него сознания в соответствии с принципами оптимизации кибернетических систем, способствующего глубокому взаимопроникновению естественного и искусственного миров, меняет представления о критериях подлинности и реальности бытия человека, а также о роли социально-философских оснований взаимодействия человека и техники. Это ставит перед человеком задачу в своем взаимодействии с цифровыми технологиями сохранять за «аналоговым сознанием» роль рефлексирующего центра, способного задавать вопросы, сомневаться и делать выбор, не предопределённый алгоритмами.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

искусственный интеллект,
цифровой двойник,
цифровой апгрейд,
социо-киберфизические системы,
киборг,
киборгизация,
антропомодификация

КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Квятковский Г. Ю. участвовал в разработке концепции исследования, сборе, обработке и анализе данных, написании текста рукописи.

Гредновская Е. В. участвовала в разработке концепции исследования, сборе, обработке и анализе данных, написании текста рукописи.

Кульжанова Г. Т. участвовала в обсуждении концепции исследования, сборе и обработке данных, написании текста рукописи.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СРЕДСТВ ИИ

Авторы заявляют о том, что при написании данной статьи не применялись средства генеративного искусственного интеллекта.

Статья поступила: 04.01.2026

Рецензии получены: 26.02.2026

Принята к публикации: 03.03.2026

Права: © Квятковский Г. Ю., Гредновская Е. В.,
Кульжанова Г. Т. (2026).

Опубликовано Челябинским
филиалом РАНХиГС. Открытый доступ
на условиях лицензии CC BY-NC 4.0

Введение

Термины «цифровой мир», «цифровая реальность», «цифровой агент», «цифровой двойник», «цифровая личность», «цифровое сознание» и т. п. стали довольно распространены в настоящее время и часто применяются не только как отражение трендов современного развития общества, но и в силу становления своеобразной «моды на цифровизацию». Реальность оказалась захваченной копиями или симулякрами и без преувеличения можно сказать, что «нет ни медиума, ни отображения — не более чем отображение одним промышленным товаром серийного производства другого, который произведен вслед за первым»¹. Ко всякому объекту достраивается его цифровая копия и уже нет возможности распознать первичность реального по отношению к цифровому — «реальное производится на основе миниатюрнейших ячеек матриц и запоминающих устройств, моделей управления и может быть воспроизведено неограниченное количество раз»². В мире цифровых банковских операций, цифровых технологий обработки звукового и визуального сигнала, оцифрованных библиотек и личных документов представляется логичным осуществить попытку сконструировать цифровой аналог человека и постоянно его совершенствовать, опережая эволюционные изменения реальной человеческой природы [9]. Заявлений о цифровизации человека было сделано немало — от прагматичных по созданию цифрового профиля или аватара как средства идентификации в цифровом мире и сложной социо-киберфизической системы (например, цифровой паспорт в медицинском учреждении [15]) до цифрового бессмертия и фантастически звучащих проектов «выгрузки» сознания на внешний носитель³.

Следуя требованиям времени и боясь оказаться аутсайдером, человек первоначально создал цифрового двойника себя как интегративный образ в виртуальном пространстве, формируемый всевозможными алгоритмами на основе различных данных и допускающий многократную виртуальную пересборку. Характер взаимосвязи между свободно реконструируемым виртуальным двойником и подчиняющимся законам реальности физическим телом человека в настоящее время остается не проясненным до конца. Поскольку такой двойник — производная от результата взаимодействия человека и техники, то в процесс его создания и пересборки неизбежно вовлечены

¹ Бодрийяр, Ж. Симулякры и симуляции. М.: Постум, 2017. С. 178.

² Там же, С. 7.

³ Дорожный, В. ВДНХ онлайн: выставка получила цифрового двойника // Умный город. 24 сентября 2024 г. URL: <https://www.vedomosti.ru/gorod/smartcity/articles/vdnh-onlain-vistavka> (дата обращения: 2.11.2025 г.).

постоянно развивающиеся «производственные» технологии (др.-греч. τέχνη — искусство, мастерство, умение; λόγος — слово, мысль, смысл, понятие¹). Технологии «захватывают» человека, в результате его существование в реальном мире также начинает восприниматься как технология и как объект приложения технологий — и специфика человеческого существования становится все более сложно улавливаемой по мере научно-технологического прогресса. Довольно отчетливо эти тенденции зафиксировала сфера индустрии массовой культуры в виде различного формата шоу, технократических утопических и антиутопических киноповествованиях («Робот-полицейский», «Робот по имени Чаппи», «Терминатор», «Люси» и т. д.), популяризации сервисов генеративной музыки и т. д., способствующих стиранию границы между реальным и виртуальным мирами и переходу человека в мир чистой виртуальности. В реальной жизни за пределами искусства уже сегодня цифровые двойники находят применение в различных областях и видах деятельности, являясь неотъемлемой частью цифрового ландшафта общества, создавая иллюзию отсутствия границ не только для развития общества, но и для развития человеческого вида, требуя бесперебойных поставок антропомодифицированных характеристик социальному миру в формате цифрового апгрейда человека [6], неспешного, постепенного и контролируемого, что неизбежно порождает необходимость проблематизации идеи «улучшения» человека — так ли оно необходимо, возможно ли оно в принципе и кто является его субъектом?

Философские основания идеи «улучшения» человека

Термин апгрейд (англ. upgrade, от up — вверх, выше и grade — подвергаться изменениям) «ворвался» в наш лексикон, став повседневно употребительным, из сферы мира информационного производства в начале 90-х годов XX века, когда им обозначали «модернизацию компьютера путем замены или добавления к нему различных устройств (обычно системной платы) или сами аппаратные средства, заменяющие устаревший блок компьютера для наращивания его возможностей (более мощный процессор, новая видеокарта и др.)»². И сейчас применительно к человеку апгрейд обозначает его направленное «улучшение» извне в самом широком спектре значений.

Идея «улучшения» человека является сравнительно недавней. Например, еще в XV в. Дж.

Пико делла Мирандола склонен был видеть в человеке существо, созданное богом-творцом как превосходное всех прочих существ: «Образ прочих творений определен в пределах установленных нами законов. Ты же, не стесненный никакими пределами, определишь свой образ по своему решению, во власть которого я тебя предоставляю. Я ставлю тебя в центре мира, чтобы оттуда тебе было удобнее обозревать все, что есть в мире. Я не сделал тебя ни небесным, ни земным, ни смертным, ни бессмертным, чтобы ты сам, свободный и славный мастер, сформировал себя в образе, который ты предпочтешь»³. И, хотя современный интерпретатор этого текста может прочесть его двояко, увидев в нем, с одной стороны, определенность хотя и не завершенность человеческого существа в соответствии с божественным замыслом, с другой же стороны, указав, что человеку предписано богом свободно определять и принимать определенный образ в результате собственных целенаправленных и мастерски осуществленных усилий, можно предположить, что потенциально возможное изменение человека не касалось качественного преобразования его природы, ограничиваясь количественным развитием человеческой сущности.

Первая интерпретация, указывавшая на изначальное совершенство человеческой природы, сформировала гуманистическую традицию философии. Обнаружив возможность диалектического примирения содержательной свободы и формальной определенности человека в понятии «всеобщая природа человека», философы Нового времени углубили представление о ее сущности («Природа человека есть сумма его природных способностей и сил, физических, таких, как способность питаться, двигаться, размножаться, и духовных, таких, как познание и волевое действие. Эти способности мы единодушно называем природными, и они содержатся в определении человека как одаренного разумом животного»⁴). Они же относятся и к роли в становлении человека как индивида и личности («Наблюдайте природу и следуйте по пути, который она вам прокладывает ... разве вы не видите, что, думая исправить ее, вы только разрушаете ее работу и тормозите ее заботы?»⁵). Так оформился успешно применяемый финальный аргумент гуманистов в спорах о природе человека со сторонниками ее улучшения — уже в эпоху Просвещения мысль о направленном изменении природы человека была принципиально допустимой.

³ Пико делла Мирандола, Д. Речь о достоинстве человека. — URL: https://hrampm.org/userfiles/library/oldlibrary/%5Bpiko_della_mirandola%5D_rech_o_dostoinstve_cheloveka.htm (дата обращения 03.11.2025).

⁴ Гоббс Т. Человеческая природа // Сочинения : в 2 т. Т. 1. М. Мысль, 1989. С. 509–510.

⁵ Руссо Ж. Ж. Эмиль // Педагогические сочинения : в 2 т. М.: Педагогика, 1981. — С. 38.

¹ Белкин С. Н. Технология // Большая российская энциклопедия. URL: <https://bigenc.ru/c/tekhnologija-0c7d55> (дата обращения 03.11.2025).

² Апгрейд // Энциклопедический словарь. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/es/69039/АПГРЕЙД> (дата обращения 03.11.2025).

На рубеже XIX и XX вв. субстанциональное толкование природы человека столкнулось с множеством противоречащих ей аномальных фактов. Во-первых, в результате деятельности полевых этнографов был накоплен значительный массив данных о специфических чертах неевропейских культур, порождающих гигантские различия антропологических типов и требующий либо поднятия уровня абстракции в рассуждениях о культуре, на котором теряется возможность их эмпирического изучения, либо признания вариативности человеческой природы. Во-вторых, открытие Ч. Дарвином изменчивости видов в живой природе позволило поставить философский вопрос о человеке в новой формулировке: если всякий вид живой материи вынужден изменяться в соответствии с изменениями условий своего существования, то насколько правомерным будет утверждение о неизменности человеческой природы и стремление гуманистов сохранить ее неизменной вопреки реально существующим процессам биологического движения? Сюда же следует отнести открытие принципа относительности А. Эйнштейна, согласно которому любой процесс может быть выведен из характеристик любой произвольно выбранной инерциальной системы отсчета, что делает невозможным применение финальных аргументов в любом философском споре. В-третьих, иррациональная философия XIX-XX вв. проблематизирует понятие «природа человека», показывая ее изменчивость, сложность, нередуцируемость к природно обусловленным психическим явлениям (задаткам, способностям, чертам характера и т. д.), одновременно способствуя девальвации представлений о специфике человеческого самотождественного бытия и подмене его социокультурно обусловленным «существованием». Все эти аномальные факты подготовили почву для критики оснований гуманистического мировоззрения и разработки альтернативных мировоззренческих проектов, в которых человек добровольно отказывается от главенствующего положения в мире путем включения на правах элемента в состав более общих по отношению к нему систем — государства, культуры, техники, природы в целом и т. д. — и подчинения логике их функционирования. В-четвертых, под влиянием постмодернистского тезиса о смерти больших нарративов описанное выше бегство человека от субъектности и делегирование ответственности большим системам переводит процесс человеческого существования в режим игры, превращает его в постоянно обновляемую и ситуативно переопределяемую перформативную практику, репрезентирующую человека цельного в конкретных поведенческих модусах — *homo politicus*, *homo oeconomicus*, *homo socialis*, *homo culturalis* и т. д. — которые не придают человеческой личности цельности и не обеспечивают преемственности в контексте логики развития индивидуального и соци-

ального бытия, но предоставляют достаточное количество инструментов для яркого проживания в игровом режиме отдельных несвязанных между собой ситуаций. Наибольшей проблемой режима «человека распадающегося» является выработка поведенческих схем, обеспечивающие синхронические и диахронические связи между отдельными поведенческими модусами и «тонкую настройку» поведения в каждой отдельной ситуации *causa sui*. В качестве решения проблемы предлагается переход к новому типу мировоззрения, легитимизирующего «перевод» человека на язык техники и оперирование полученной в результате перевода моделью.

От модернизации компьютера к цифровому двойнику

Обоснование нового типа мировоззрения дает теория систем, согласно которой любой составной объект может быть представлен как система, но на более высоком уровне абстракции он выступает элементом более крупной системы; все элементы системы взаимосвязаны; всякая система имеет внутреннюю логику развития, опосредованную условиями ее реального существования. Эти принципы являются универсальными, и, хотя наиболее впечатляющие результаты их применения явлены в достижениях роботехники, кибернетики, информатики и т. д., они могут быть сняты с технических систем и перенесены на человека, поскольку на этом уровне абстракции под определенным углом зрения природные различия между человеком и техническими системами как объектами перестают быть заметны.

Формирование требуемого угла зрения потребовало нескольких упрощений, которым подверглись:

Имманентная целостность и комплексность человеческой природы, благодаря которой существует возможность аргументировать всеобщую определенности человеческого бытия, взаимосвязь ступеней органического в человеке, взаимообусловленность родового и индивидуального бытия человека («основные страсти и побуждения человека проистекают из целостного человеческого существования»¹), но при отсутствии которой понятие «природа человека» без потерь подменяется понятием «функциональность», индексирующим соответствие реального индивида проекту самого себя, взятого автономно от других представителей рода человеческого и от предшествующего опыта индивида, в то время как представление о всеобщей природе человека начинает рассматриваться как рудимент классического подхода философии прошлых веков/

¹ Фромм Э. Бегство от свободы. URL: https://www.vir.nw.ru/wp-content/uploads/2018/09/E.Fromm_Begstvo_ot_svobody_pedagogika.pdf?ysclid=mks8k7u8t217632563 (дата обращения 03.11.2025).

Идея духовности, благодаря которой возможно отнесение деятельности актов человека к некоторым ценностям и развертывание системы внебиологической регуляции человеческого поведения, в отсутствие которой любые поведенческие акты оказываются потенциально возможными и равнозначными. Для ситуации утраты духовности как перспективы человеческого существования характерно мироощущение, при котором в отсутствие возвышенного «все дозволено» и «ничего не жаль»; как указывает Э. Фромм в работе «Здоровое общество», в современном нигилистическом обществе «энергия, которая когда-то посвящалась поискам Бога и спасения, [направляется] на достижение господства над природой и увеличение материального комфорта»^{1/}

Идея уникальности конкретного человека, порождающая сложность, непредсказуемость и богатство содержания и форм человеческого взаимодействия, устранение которой ведет к преобразованию сложного процесса общения в обмен информацией, схематизации и стандартизации поведенческих актов, деградации ориентированных на прогрессивное развитие символической программы поведения знаковых систем, системному блокированию инновационного поведения/

Идея свободы как специфического способа бытия человека «в ситуации конфликтов, которые могут быть преодолены лишь временно и частично... с которыми каждому приходится справляться самостоятельно»^{2/}, при устранении которой исчезает груз ответственности, а целью существования становится достижение иллюзорного счастья^{3/} и прочие фетиши индивидуального и коллективного сознания/

Идея истины, служащая ориентиром научных и вненаучных поисков и позволяющая дифференцировать суждения о человеке и об окружающем его мире по степени их достоверности и правдоподобия, устранение которой дезориентирует человека в мире знаний и превращает его в объект и агента манипулирования и умножения лжи под видом облегчения доступа к подлинному изобилию знаний и способов их использования, якобы, скрываемому вследствие заговора ученых.

Примеры подобных упрощений в изобилии можно найти в работах наших современников, использующих инструментарий философии для манифестации утопических идей, например, в работе Донны Харауэй «Манифест киборгов: наука, технология и социалистический феминизм 1980-х». Приведем лишь несколько

цитат из нее: «нет ничего, что действительно убедительно фиксировало бы разграничение человеческого и животного»^{4/}, «машины конца XX века сделали глубоко двусмысленным различие между естественным и искусственным, умом и телом, саморазвивающимся и выстраиваемым извне, как и многие другие разграничения, ранее применявшиеся к организмам и машинам»^{5/}, «...граница между физическим и нефизическим для нас очень расплывчата»^{6/}, «это мечта не об общем языке, но о мощной еретической гетероглоссии»^{7/}. Не ставя перед собой цели анализа идей, выстроенных на подобного рода нигилистических основаниях, укажем, что приведенные цитаты демонстрируют реальные, а не надуманные примеры упрощенных суждений о человеке, которые, будучи эмоционально поданными, могут стать причиной мечты об апгрейде человека — и такого человека в самом деле стоило бы улучшить, если бы он на самом деле существовал. В то же время приведенные цитаты показывают степень остроты борьбы за образ человека будущего, ставший полем борьбы за культурную гегемонию разнообразных политических дискурсов, и призом в этой борьбе выступает сужение круга допущенных к формированию ориентиров стратегического развития человечества и ограничение доступа конкурирующих сообществ к распределению ресурсов. Борьба за человека будущего становится борьбой за власть над будущим человека, а подведение под эту борьбу нигилистических оснований с большей вероятностью лишит человека будущего, чем и предоставит лучшие возможности.

Упростив человека до уровня элемента более крупной системы, оказывается возможным представить все происходящее в теле и сознании человека процессы как производство и распределение информации, что облегчает проведение аналогии между человеком и компьютером и проведение исследования и совершенствования человека в соответствии с принципами кибернетических систем, такими как:

Принцип декомпозиции, постулирующий возможность разложения целостности и сложности человека на модули-перформативы (*homo politicus*, *homo culturalis*, *homo oeconomicus* и т. д.) в соответствии с заданным уровнем абстракции, что позволяет понизить уровень сложности специфически человеческих проблем и уровень ответственности проектировщика за принимаемые решения;

Принцип открытости, предполагающий возможность свободного и простого добавления внешних дополнительных устройств (органов) или новых алгоритмов (символических

^{1/} Фромм Э. Здоровое общество / Э. Фромм. М.: АСТ: Астрель, 2011. С. 389–390.

^{2/} Штрэнгер К. Приключение Свобода: Путеводитель по шатким временам. Цивилизованное презрение: Как нам защитить свою свободу (руководство к действию). М.: Новое литературное обозрение, 2019. С. 91, 94.

^{3/} Там же. С. 99.

^{4/} Харауэй Д. Манифест киборгов: наука, технология и социалистический феминизм 1980-х. / Д. Харауэй. М.: Ад маргинем пресс, 2017. С. 14.

^{5/} Там же. С. 15–16.

^{6/} Там же. С. 17.

^{7/} Там же. С. 83.

программ поведения), расширяющих функциональные возможности отдельных систем человеческого организма;

Принцип совместимости, требующий поддержания единства среды функционирования, введения ограничений на разработку и применение уникальных устройств, затрудняющих взаимодействие данного объекта с другими родственными ему объектами или понижающих его функциональность в означенных проектировщиком ситуациях.

Понимая «апгрейд человека» как технико-технологическое преобразование человеческого тела и помещенного внутрь него сознания в соответствии с принципами оптимизации кибернетических систем, можно проследить историческое родство расширения функциональности в ходе модернизации компьютеров и апгрейда человека, которое началось с компенсаторного увеличения возможностей компонентов компьютеров и человеческого тела (концепция органопроекции), нашло продолжение в функциональной специализации устройств и алгоритмов (тела и отдельных областей мозга, отвечающих за реализацию определенных психических процессов), и в настоящее время пришло к попыткам моделирования (симуляции) деятельности разнообразных сложных комплексных систем, будь то отработка движений пилота во время взлета и посадки космического корабля на специальном симуляторе, компьютерное моделирование поведения человека в городской среде, обучение интеллектуальных систем распознаванию человеческой мимики или внедрение систем искусственного интеллекта в процессы поиска и производства научной информации.

Без преувеличения можно сказать, что введенные упрощения способствовали глубокому взаимопроникновению естественного и искусственного миров, в результате чего мир естественный стремительно «вторгся» в мир искусственный, а искусственный — стал настоящим, реальность — гибридной, человек — киборгом [10; 12; 21]. С этого времени как человеческое тело, так и человеческое сознание становятся продуктом биокогнитивных технологий.

Формирование новой социальности, одной из характеристик которой является повсеместное производство цифровых копий и выяснение насколько цифровой двойник способен совпадать со своим реальным оригиналом, вывело на повестку дня обсуждение их различных аспектов — от идентичности Я в оптике реального и виртуального и этических ориентирах технико-технологических преобразований человека [7], до способности цифрового двойника «создавать» свой мир, актуализируя в повестке дня не только этические аспекты темы [1; 4; 5; 6; 17; 20].

Цифровой посредник как технология «улучшения» человека

Перспективы человека в начале XXI в. оказались вплетенными в сферу био-, нано-, инфо- и когнитивных технологий как попытки преодолеть привычное — естественную природу человека — и выйти за ее границы¹ [22]. Тело послужило вполне привлекательной опытно-экспериментальной площадкой для совершенствования человека [13]. Общество отреагировало на это развертыванием дискурса о редукции духовных начал человека к технико-технологически заданным параметрам «генетического редактирования» [19]. Однако тема «улучшения» человека на фоне развития конвергентных — НБИК/NBIC-технологий — осталась. Границы естественного и искусственного, хотя и сохраняются, но становятся все более прозрачными, что способствует дезориентации, и, как метко заметил Э. Левинас, усилению власти технологий над «отчужденными человеческими существами»².

Постепенно начинают появляться цифровые двойники (digital twin), позволяющие улучшить «дизайн человека — как личности, как гражданина и как вида»³. Цифровые двойники — это виртуальные копии реальных объектов, систем или структур, создающиеся на основе собранных данных алгоритмами их обработки [14, с. 71], однако теперь «цифровой двойник» стал называться «цифровой личностью» при том, что, цифровой двойник человека и цифровая личность — очевидно различные понятия, характеризующие человека, хотя часто употребляющиеся как синонимы, но при отсутствии в научной литературе четких дефиниций этих понятий. Потому хотелось бы подчеркнуть, что «цифровой двойник» — это технологическая модель реального человека, создаваемая для формирования и моделирования процессов жизнедеятельности его организма, когда «цифровая личность» — это цифровой образ (симулякр) личности, пребывающей в виртуальном пространстве и исчезающая с выходом из него. При этом мы не претендуем на полное рассмотрение данного понятия и всего лишь предлагаем принять его как рабочую версию в рамках данной статьи, где сама попытка дефинирования этих понятий уж может стать предметом самостоятельного исследования.

Технологии «улучшения» человека закономерно вызывают к жизни и технологические амбиции управления общественным сознани-

¹ Уткин, И. Н. Вызов трансгуманизма: бесконечный прогресс, ведущий в бездны расчеловечивания / И. Н. Уткин // Экономические стратегии. 2015. Т. 17. № 5–6. С. 126–131.

² Левинас, Э. Избранное: Тотальность и бесконечное / Э. Левинас. — М.: Культурная инициатива; СПб.: Университетская книга, 2000. — 415 с.

³ McIntosh, D. The Transhuman Security Dilemma / D. McIntosh // J. Evol. Technol. 2010. Vol. 21. № 2. P. 33.

ем. Так в условиях турбулентной современности отчетливо манифестируется синтетическое использование технологий цифры и технологий социальной инженерии через обращение к сознанию человека и, как следствие, конструирования линий его поведения. Обусловлено это тем, что «теория и практика социальной инженерии неотделима от социальных технологий или алгоритмов трансформации общественных форм жизни, которые, соответственно, реализованы в виде поведенческих образцов или формирующих реальность технических приспособлений» [3, с. 87].

Цифровые образы становятся непрекращаемыми образцами деятельности, что особенно заметно в создании фабрик по «производству» специальных алгоритмов и сценариев управления обществом, сообществами, личностью [8]. Сегодня, став платформами и экосистемами, социальные сети осуществляют принуждение без насилия. Человек, пребывающий в сети, решения принимает, как ему кажется, абсолютно самостоятельно и свободно. Основным средством принуждения теперь является сама сеть, создающая и предлагающая зону комфорта своему пользователю — потребителю и автору контента [16]. Фактически человек принимает решения под «давлением» жестко контролируемой информации, которая обращена, прежде всего, к чувствам пользователя. Кроме того, предлагаются коллективные эмоции, создающие условия для «выключения» разума.

В этой связи хотелось бы обратиться к культурно-исторической концепции Л. С. Выготского, согласно которой развитие человеческого индивида всегда представляет собой овладение своим поведением посредством орудия и знака, при котором орудия труда направлены вовне на объект, а знаки, выступающие в качестве психологического орудия, способствуют овладению психическими процессами, опосредуя объекты внешнего мира и внутренние психологические процессы для индивида. Данная концепция была использована современными исследователями для осмысления роли в этом процессе цифровых технологий [18].

В современной гибридной среде цифровые технологии, претендующие на «цифровое посредничество», предстают в «насыщенном», полидисциплинарном виде. К уже заявившим о себе на сегодняшний день относят процесс оцифровки различных сфер жизни, цифровую трансформацию как интеграцию всех сфер жизни, машинное обучение и искусственный интеллект, «субстанциональную единицу» как детерминанту современной повседневности, «цифровое детство», «цифровой разлом», «киберпсихологию», «цифровое общество», «кибербезопасность», «психологическое орудие», «внешние культурные средства», «перепосредствование деятельности», гипертекст, «кликания», гиперссылки, «линки», «игроиза-

цию досуга», «межличностную опосредованную коммуникацию», «виртуальное общение», «киберкоммуникацию», «киберсоциализацию», «киберидентичность», «кибер-альтер-эго»¹. В широком смысле цифровые технологии как новые средства опосредования, представляют возможности максимально реализовать те или иные потребности (коммуникативно-информационные, адаптивно-восстановительные, созидательные, развлекательные, и проч.).

Однако наряду с предоставляемым ресурсом цифровые посредники активно иницируют и свой формат «улучшения человека», который обозначен Ж. Бодрийяром как «доставление» реального человека, уже не удовлетворенного собственным умом («Если люди придумывают или создают «умные» машины, то делают это потому, что в тайне разочаровались в своём уме или изнемогают под тяжестью чудовищного и беспомощного интеллекта...»²).

По мнению С. А. Смирнова, «в настоящее время все еще не построена и не описана модель культурно-исторического опосредствования, в которую была бы включена цифра как новый тип культурного посредника, пока существуют лишь разнообразные констатации, в которых одни авторы настаивают на том, что «цифру необходимо включать в эту модель. Другие авторы констатируют, что цифра уже стала новым посредником и мы являемся свидетелями цифровой социализации, и уже сложились такие новые феномены, как цифровое детство, цифровое воспитание, цифровое развитие и т. д. Третьи авторы, наоборот, утверждают, что цифровизация уничтожает личность. Ребенок, погружаясь в VR, теряет себя и весь социальный мир и находит там превращенные формы таких опор в виде цифровых двойников, аватаров, заменителей. Поэтому с учетом вышеописанной ситуации, все-таки стоит признать, что сама по себе цифра не может быть уже готовым средством опосредствования» [18].

Тем не менее, в последние годы цифровые технологии активно завоёвывают медиакommunikативное пространство именно как «новые средства культурного опосредования». Это уже отчетливо видно в целом ряде технофеноменов современной цифровой реальности: в тотальном присутствии киберпространства, интегрированного в самоидентичность индивидов; в эмоционально-коммуникативной со-

¹ Гредновская Е. В., Емченко Е. П., Пащенко О. В. Мем как культурный посредник // Вишевские чтения: проблемы проектирования человека будущего: сборник материалов I Всероссийской научной конференции с международным участием, Челябинск, 16 ноября 2023 года. Челябинск: ЮУрГУ, 2024. С. 98–111.

² Бодрийяр Ж. Ксерокс и бесконечность. URL: <https://gtmarket.ru/library/basis/3413/3420> (дата обращения 09.02.2026).

ставляющей современного человека (в изменении когнитивных способностей, внимания, аффективной памяти и проч.); в повсеместном «включении» цифровизации во все сферы повседневной жизни, неизбежно влекущем изменения в традиционной социальной деятельности; в трансформации психофизиологического состояния молодого поколения («цифровое детство», «цифровое поколение»); в игровых, учебных, профессиональных, коммуникационных форматах, опосредованных цифровыми технологиями, нарушающими баланс между цифровизацией и психофизио-когнитивно-эмоционально-духовным здоровьем человека и т. д.¹

При этом все отмеченные культурно-посреднические цифровые технологии так же очевидно проблематизируют привычные «человеческие» формы его существования, мышления и самобытности, ибо теперь, по мысли Ж. Бодрийяра, «то, что предлагают машины, есть манифестация мысли, и люди, управляя ими, отдаются этой манифестации больше, чем самой мысли»². И кроме того, как подчеркивают ряд исследователей с опорой на выше обозначенную концепцию Выготского (Ю. В. Громыко, В. В. Рубцов, О. В. Рубцова, С. А. Смирнов), сама по себе цифра не может быть уже готовым средством опосредования (опосредствования), т. к. она выстраивает указанный процесс по законам виртуального мира, и попросту дезориентирует развитие индивида в социокультурном пространстве. Ученые в этой связи задаются следующими вопросами: «Если допускается, что цифра выступает новым средством опосредования (опосредствования), то можно ли говорить, что с ее помощью человек овладевает своим поведением, выполняя роль психологического орудия, организуя акт «прочувствования»? Корректно ли применять характеристики культурно-исторической психологии, относящиеся к традиционным психологическим орудиям, предметам и знакам, а также способы действия человека к цифровым средствам и способам действия виртуальной реальности» и т. д.» [18]?

Включаясь в общую тональность научного обсуждения поднятой проблемы, мы уже обратились к аспекту рассмотрения универсальных принципов теории систем, перенесенных с технических систем на человека, и стирающих различия между человеком и техникой как объектами. Выше мы рассмотрели ряд упроще-

ний и редуцирования онтологических особенностей человека, задавших аналогию между человеком, компьютером и кибернетическими системами. В числе рассмотренных характеристик были указаны такие как имманентная целостность и комплексность человеческой природы, идея духовности, идея уникальности конкретного человека, идея свободы как специфического способа бытия человека, идея истины. Редукции этих характеристик в контексте переосмысления оснований гуманистического мировоззрения, «смерти субъекта» и разработки альтернативных мировоззренческих проектов, фундировали появление новых технологических форматов «улучшения человека» и в сфере «культурного посредничества», в числе которых далее обратимся еще к одной цифровой редукции онтологических оснований человека в процессе его «миропостижения» — «устранению усилия».

Цифровые технологии, в своих алгоритмах снижающие интеллектуальные усилия пользователей, меняют в целом привычные когнитивные стратегии. Так, например, когнитивная разгрузка в виде передачи рутинных задач и операций гаджету/компьютеру/искусственному интеллекту позволяет человеку не выполнять промежуточные шаги, а глубже сосредоточиться на логике, идеях, на более творческих или стратегических аспектах решаемых задач. Эти же технологии позволяют автоматизировать рутинные процессы, которые раньше выполнялись вручную, что сокращает время на выполнение задач. ИИ-алгоритмы способны обрабатывать большие объёмы информации для выявления скрытых взаимосвязей и трендов, что выходит за рамки когнитивных возможностей человека и решает проблему помощи в принятии решений.

Однако обратная сторона всех перечисленных безусловных достоинств имеет такой же ряд негативных эффектов, уже оказавшихся в центре внимания современных исследований. Это ослабление навыков критического анализа и снижение креативности, «усредняющие» в целом мышление человека. Это также общая информационная перегрузка, где внешние требования к вниманию пользователя, конкурирующие за ограниченный его ресурс (уведомления, обновления из социальных сетей, электронная корреспонденция и др.) превышают способность человека их обрабатывать. Сюда относят и чрезмерное использование цифровых устройств, снижающее способность мозга к долговременному запоминанию (например, использование смартфонов или электронного календаря для отслеживания встреч и важных событий, переносящих когнитивные задачи из памяти во «внешнюю интернет-память»). Это и привычка к многозадачности, ухудшающая качество внимания, рабочую память, способность принимать решения, ну и, конечно же, «информационный шум» алгорит-

¹ Гредновская, Е. В. Мем как культурный посредник / Е. В. Гредновская, Е. П. Емченко, О. В. Пашенко // Вишевские чтения: проблемы проектирования человека будущего : сборник материалов I Всероссийской научной конференции с международным участием, Челябинск, 16 ноября 2023 года. Челябинск: ЮУрГУ, 2024. С. 98–111.

² Бодрийяр, Ж. Ксерокс и бесконечность. — URL: <https://gtmarket.ru/library/basis/3413/3420> (дата обращения 09.02.2026).

мов соцсетей, коммуникационных фильтров, конструирующих «удобную информацию» и поверхностные суждения «на эмоциях».

В обозначенном контексте более подробно нам хотелось бы рассмотреть аргументацию С. А. Смирнова, связанную с эффектом «устранения усилия» как редукции исключительно важных для человеческого существа его онтических и онтологических оснований. В своих исследованиях, и в частности, в работ «Л. С. Выготский и цифра: Вызов для культурно-исторической психологии» [18] ученый, анализируя процесс освоения мира культуры социализирующимся человеческим существом, обращается к модели Л. С. Выготского, который в свою очередь, отталкивался от марксовской модели «трудовой деятельности».

В силу того, что исторически развитие техники шло по логике усовершенствования внешнего орудия, технического устройства с точки зрения усиления его эффективности, эргономичности, все большего удобства и комфорта для человека и проч., «орудие становилось умной машиной», где в технико-технологической среде функционал между машиной и человеком распределялся таким образом, чтобы человеку-пользователю было удобно и легко осваивать технику, а именно, «по принципу самоучителя, зашитого в эту технику», лишь посредством нажатия кнопок, где умная машина оказывается способной не только работать сама, но и регулировать свою работу, благодаря зашитой в техническое устройство программе его функционирования. Человек отныне оказывается в процессе, где он уже — не «субъект познания» (технику нет необходимости осваивать), а «пользователь», лишь нажимающий на кнопки, и передающий все больше различных функций орудию, машине, техническому устройству, превращающий данный процесс в функциональный аутсорсинг (от англ. *outsourcing* — «использование внешнего источника и/или ресурса»). Таким образом помимо усовершенствования телесной оболочки человека и прямого технологического преобразования его сознания апгрейд человека осуществляется посредством усовершенствования орудий труда, которыми предстояло пользоваться человеку, при этом орудия получают все более совершенный дизайн и расширенный функционал, становясь все более простыми и удобными в использовании, в то время как человек переводит технологические паттерны в простые схемы взаимодействия с вещами. И здесь кроется серьезная опасность для качественного развития индивида, как пишет С. А. Смирнов, «психологическое орудие-знак, направленное вовнутрь, на преобразование поведения человека, не должно рассматриваться в таких же категориях. Принципы удобства и эффективности, применяемые в трудовой деятельности, адекватны для последней, но если эти же принципы применяют-

ся к психологическому орудю при обучении и развитии ребенка, то это тормозит его развитие... Ученику должно быть трудно, дабы он овладевал своими реакциями и через это формировал себя. Но с гаджетом произошло все наоборот. Он вошел в повседневность ребенка и все изменил. Он удобен, прост в освоении и эффективен. И когда он стал подменять учебник и учителя, родителя и наставника, когда ребенок стал все более подчиняться удобному интерфейсу, который осваивается «на раз» дошкольником, то возникла инверсия: вместо усилия требуется схватывание, использование удобного и безопасного гаджета. Гаджет удобен, эффективен, быстро осваивается, заменяет собой взрослого и создает иллюзию развития. Но тогда не выполняется главное условие культурного развития: человек перестает овладевать своим поведением» [18].

Коммуникация с гаджетом и цифрой как «цифровыми посредниками» осуществляется, по выражению Ж. Бодрийяра, в «новой парадигме чувствительности»¹, где полнота онтологических предусловий и онтических актуализаций человеческого бытия в статусе «пользователя» реализует проект «улучшения» человека в формах освоения реальности и себя — «ничем не рискуя», «не прилагая усилий», где «все должно быть комфортно» и «не больно», где человеческое присутствие в процессе миропознания и самопостижения осуществляется как «присутствие в отсутствии», без «полноты свершения собственного действия и ощущения сопричастности с Другим (взрослым, здесь же тебя поддерживающим)...» [18].

С. А. Смирнов, анализируя процесс социализации ребенка в современных условиях цифровой среды, с новыми средствами опосредствования, обозначает этот процесс как «цифровой разлом», суть которого сводится к интенсивному пребыванию молодого поколения в цифровой среде, как минимум, деформирующей его структуры поведения, и оказывающей в дальнейшем серьезное влияние на формирование сознания в целом. Цифровой разлом проявляет себя, по мысли автора, в ряде таких эффектов как функциональная инверсия, событийный сдвиг, сценарный захват, сплющивание смыслового горизонта, предпочтение виртуального — социальному, удобство и комфорт — интеллектуальному усилию, а также иллюзия безопасности [18]. Поэтому, когда пользователь (и особенно ребенок) следует за «цифровым посредником», то это он следует за ним не в мир людей, а в виртуальный мир, в силу чего происходит не культурное опосредование «человеческого», не социальная интериоризация, а квазиопосредование виртуального измерения, результатом которого на выходе является очередной «цифровой двойник».

¹ Бодрийяр Ж. Ксерокс и бесконечность. — URL: <https://gtmarket.ru/library/basis/3413/3420> (дата обращения 09.02.2026).

«Цифровой апгрейд» человека, направленный на достижение удобства, простоты, эффективности и аутсорсинга, на неэнергозатратное схватывание и точечное использование информации вместо усилия в ее освоении порождает такую инверсию, когда не выполняется главное условие культурного развития: психологическое орудие-знак цифрового посредника, направленное вовнутрь, на преобразование поведения человека, нивелирует сугубо человеческие интенции, человек перестает овладевать своим поведением и мышлением, т. к. здесь нет интеллектуального преодоления, требующего личного ментального и психологического усилия, поиска смысла как следствие опыта самоформирования собственной личности и отношений между личностью и средой обитания [18]. «Улучшение» человека в таких форматах цифрового посредничества оборачивается онтологическим опустошением человека.

Заключение

Мечты о цифровом апгрейде человека демонстрируют редко становящуюся предметом пристального внимания истину: модернизация философского знания в последние полтора столетия сопровождается введением в оборот новых философских категорий, которые при ближайшем рассмотрении оказываются «переводами» философского содержания на язык конечных областей человеческого опыта, утратившими в процессе перевода масштаб и глубину отражения реальности. Отказ от осмысления человеческого в терминах природы, цельности, духовности, саморазвития в пользу сосредоточения на типических проявлениях человеческого, представление человека как вещи или носителя функции, описание многообразия человеческого поведения как набора реакций на внешние стимулы произошел задолго до того, как философы обратились к теме цифровой реальности и цифрового удвоения человека. Исторически тема апгрейда человека встраивается в философский дискурс о торжестве человеческого разума над природой, начало которому было положено в философии Нового времени попытками рефлексии над процессами, происходящими в мышлении индивидуального человеческого субъекта, а финальной демонстрацией видится окончательный разрыв с природой и переход на новую ступень развития, на которой все основания и ограничения разум задает себе сам. В отличие от представителей классической философии Нового времени, одновременно стремящихся раздвинуть горизонты человеческого и настаивавших на постепенном и направляемом лучшими умами человечества приближении к пограничным территориям разума, представители современной философии в основном подготавливают почву для снятия ограничения

скорости движения человека за пределы человеческого, отключения страховочных систем и механизмов обратной связи, позволяющих оценивать различные социальные эффекты, которые с неизбежностью будут сопровождать «улучшение» человека, пропагандой иллюзорной всеобщей доступности технологий апгрейда и дискредитацией идеи направления движения человеческого «лучшими умами».

Фетишизация идеи «улучшенного» человека, на наш взгляд, является реакцией на понимание экзистенциального характера вызова, брошенного человечеству бесконтрольным развитием технологий. Рассмотренные сущностные характеристики «двойничества» позволяют понять внутреннюю природу цифрового двойника как отчужденную сущность человеческого самосознания, ее глубинную иррациональную составляющую, которую М. Фуко в своем исследовании о двойниках человека обозначил как «немыслимое». «Это немыслимое есть Иное: братское и близнецовское... Оно всегда было «неотлучным двойником» человека... Оно было «в себе» в противоположность «для себя» в гегелевской феноменологии; оно было *Unbewusste* у Шопенгауэра; оно было отчужденным человеком у Маркса; оно было «скрытым», «недействительным», «осадочным», «несвершившимся» в гуссерлевских исследованиях — везде оно было тем неизбежным двойником, который предстает рефлексивному знанию как нечеткая проекция самого человека с его истиной, но в то же время играет роль основы, позволяющей человеку сосредоточиться в себе и вернуться к своей истине. Даже если двойник этот и близок к мысли, он остается ей чуждым, так что роль мысли, ее собственное начинание заключается в том, чтобы приблизить его к себе...»¹

Теперь, когда «немыслимое» превратилось в «фантом» цифрового двойника, человек ставит перед собой задачу «приблизить его к себе». Однако важно, чтобы такое приближение было контролируемым и осознанным, дающим понимание того, где заканчивается виртуальный образ и начинается реальная жизнь, где границы того, что философы называют «антропологической честностью» и «самотрансцендированием». В этом нам видится ответственность философа перед следующими поколениями людей.

Безусловно, «цифровой апгрейд» человека, появление цифрового двойника и цифрового посредничества переворачивает представления о критериях подлинности и реальности бытия человека. Однако у человека по-прежнему остается его сугубо человеческое усилие в том, чтобы в своем взаимодействии с цифровыми технологиями сохранять за «аналоговым сознанием» роль рефлексиирующего центра, способного задавать вопросы, сомневаться

¹ Фуко М. Слова и вещи // Археология гуманитарных наук. М., 1977. С. 347–348.

и делать выбор, не predetermined алгоритмами, ибо «жизнь» как выражение «человеческого» есть «усилие во времени», ибо нужно «совершать усилие, чтобы оставаться живым»¹.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Алексеева, Е. А. Расширенный киборг: концептуализация взаимосвязи людей и интеллектуальных систем / Е. А. Алексеева // *Философия науки и техники*. — 2024. — Т. 29. — № 1. — С. 98–111. DOI: 10.21146/2413-9084-29-1-98-111. EDN: KXAZKE.
2. Ананьева, В. Я. Цифровой двойник человека как элемент социо-киберфизической системы / В. Я. Ананьева, А. И. Водяхо, Н. А. Жукова, В. В. Цехановский // *Известия СПбГЭТУ «ЛЭТИ»*. — 2025. — Т. 18. — № 5. — С. 21–32. DOI: 10.32603/2071-8985-2025-18-5-21-32. EDN: IJWRQL.
3. Аргамакова, А. А. История представлений о социальной инженерии / А. А. Аргамакова // *Философские науки*. — 2021. — Т. 64, № 7. — С. 85–108. DOI: 10.30727/0235-1188-2021-64-7-85-108. EDN: UQMDOP.
4. Быльева, Д. С. Цифровые моральные системы в симулированной и социальной реальности / Д. С. Быльева // *Вестник Мининского университета*. — 2025. — Т. 13, № 2. — С. 15. DOI: 10.26795/2307-1281-2025-13-2-15 EDN: VGAYUK.
5. Гладилина, И. П. Цифровая этика и этика данных как основа рациональной деятельности экономических субъектов в условиях цифровой трансформации / И. П. Гладилина, С. А. Сергеева, Е. В. Синецкая // *Экономические системы*. — 2024. — Т. 17. — № 4. — С. 28–38. DOI: 10.29030/2309-2076-2024-17-4-28-38. EDN: TVGBIN.
6. Гуров, О. Н. Слияние человека и машины: взгляд Дэвида Кроненберга на проблему киборга / О. Н. Гуров // *Технологос*. — 2023. — № 4. — С. 64. DOI: 10.15593/perm.kipf/2023.4.05. EDN: LAUMEO.
7. Девятова, С. В. Проблема ценностно-этических ориентиров в цифровом обществе / С. В. Девятова, В. П. Казарян // *Социально-политические науки*. — 2021. — Т. 11, № 1. — С. 83–88. DOI: 10.33693/2223-0092-2021-11-1-83-88. EDN: OOEYRD.
8. Козлова, Н. Ю. Концептуальная инженерия и парресия: к проблеме управления субъективностью / Н. Ю. Козлова // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия*. — 2025. — Т. 29, № 2. — С. 460–472. DOI: 10.22363/2313-2302-2025-29-2-460-472. EDN: SYVWW.
9. Костоломова, М. В. К вопросу о трансгуманизме: будущее человека в условиях новой социальной реальности / М. В. Костоломова // *Вестник НГУЭУ*. — 2022. — № 2. — С. 194–208. DOI: 10.34020/2073-6495-2022-2-194-208. EDN: XTXWYY.
10. Кривуля, Н. Г. Механоморфизм: от механической куклы к киборгам. Трансформация анимационного персонажа в условиях доминирования техногенной парадигмы / Н. Г. Кривуля // *Наука телевидения*. — 2022. — Т. 18, № 1. — С. 159–194. DOI: 10.30628/1994-9529-2022-18-1-159-194. EDN: AXZNOM.
11. Миронов, В. В. Цифровое конструирование реальности и будущее человека / В. В. Миронов // *Философские науки*. — 2021. — Т. 64. — № 4. — С. 9–17. DOI: 10.30727/0235-1188-2021-64-4-9-17. EDN: WFMHGL.

¹ Мамардашвили М. К. Психологическая топология пути. СПб.: Изд-во РХГИ: журнал «Нева», 1997. — URL: <https://malyszhkin.narod.ru/Makets/mamardashvili.pdf> (дата обращения 21.12.2025).

12. Октан, А., Акьол Октан, К., Чон, Г. Модульные тела анимированных персонажей и постгуманистические коннотации / А. Октан // *Corpus Mundi*. — 2023. — Т. 4. — № 2 (12). — С. 15–43. DOI: 10.46539/cmj.v4i2.83. EDN: AVKOII.

13. Пертель, О. О. Метаморфозы тела в контексте цифровой моды / О. О. Пертель // *Шаги/Steps*. — 2024. — Т. 10, № 1. — С. 363–385. DOI: 10.22394/2412-9410-2024-10-1-363-385. EDN: KCWGBA.

14. Погорельская, Е. Ю. Цифровые двойники и новая информационная этика / Е. Ю. Погорельская, Ф. В. Штаб // *Вестник Гуманитарного университета*. — 2023. — № 4 (43). — С. 70–76. DOI: 10.35853/vestnik.gu.2023.4(43).07. EDN: LBIPGU.

15. Попова, С. С. Цифровой профиль: определение и применение в государственном управлении / С. С. Попова, А. С. Беденкова // *Вестник Московского университета. Серия 21. Управление (государство и общество)*. — 2024. — Т. 21, № 1. — С. 98–120. DOI: 10.55959/MSU2073-2643-21-2024-1-98-120. EDN: ANHLXT.

16. Расина, Э. О. Виртуальный образ Я как комплексная стратегия совладающего поведения интернет-пользователя / Э. О. Расина // *Научный результат. Педагогика и психология образования*. — 2022. — Т. 8, № 3. — С. 128–145. DOI: 10.18413/2313-8971-2022-8-3-0-12. EDN: SIZHEQ.

17. Скородумова, О. Б. Антропологические риски искусственного интеллекта и нейросетей GPT / О. Б. Скородумова, Л. Ф. Матронина // *Manuscript/Manuscript*. — 2025. — Т. 18. — № 1. С. — 105–111. DOI: 10.30853/mns20250017. EDN: RDWDXA.

18. Смирнов, С. А. Л. С. Выготский и цифра: Вызов для культурно-исторической психологии / С. А. Смирнов // *Культурно-историческая психология*. 2023. Том 19. — № 2. — С. 41–51. 10.17759/chp.2023190205 2023. DOI: 10.17759/chp.20231902052023. EDN: ZFRYMW.

19. Соколов, Б. Г. Онтика киборга / Б. Г. Соколов, Л. П. Морина // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология*. — 2021. — Т. 37. — Вып. 1. — С. 136–153. DOI: 10.21638/spbu17.2021.111. EDN: AUMIRF.

20. Соколовский, С. В. Киборги в киберпространстве: современные исследования в области кибер- и цифровой антропологии / С. В. Соколовский // *Этнографическое обозрение*. — 2020. — № 1. — С. 5–22. DOI: 10.31857/5086954150008752-7. EDN: AVJZUS.

21. Соловьева, Л. Н. Техника как «последняя любовь» человека и антропомодифицирующий фактор в информационную эпоху / Л. Н. Соловьева // *Общество: философия, история, культура*. — 2024. — № 7. — С. 113–119. DOI: 10.24158/fik.2024.7.14. EDN: EBHIBJ.

REFERENCES

1. Alekseeva, E. A. (2024) Extended cyborg: conceptualizing the interconnection of humans and intelligent systems. *Philosophy of Science and Technology*, vol. 29, no. 1, pp. 98–111. <https://doi.org/10.21146/2413-9084-2024-29-1-98-111>. <https://elibrary.ru/kxazke>.
2. Ananeva, V. Ya., Vodyaho, A. I., Zhukova, N. A., Tsehanovsky, V. V. (2025) Digital Twin of Human as an Element of Socio-Cyberphysical System. *LETI Transactions on Electrical Engineering & Computer Science*, vol. 18, no. 5, pp. 21–32. <https://doi.org/10.32603/2071-8985-2025-18-5-21-32>. <https://elibrary.ru/ijwrgl>.
3. Argamakova, A. A. (2021) History of Social Engineering Theories. *Russian Journal of Philosophical Sciences = Filosofskie nauki*, vol. 64, no. 7, pp. 85–108. <https://doi.org/10.30727/0235-1188-2021-64-7-85-108>. <https://elibrary.ru/uqmdop>.
4. Bylieva, D. S. (2025) Digital moral systems in the game and in reality. *Vestnik of Minin University*, vol. 13,

- no. 2, p. 15. <https://doi.org/10.26795/2307-1281-2025-13-2-15>. <https://elibrary.ru/vgayuk>.
5. Gladilina, I. P., Sergeeva, S. A., Sinitsyna, E. V. (2024) Digital ethics and data ethics as the basis for the rational activities of economic entities in the context of digital transformation. *Economic Systems*, vol. 17, no. 4, pp. 28–38. <https://doi.org/10.29030/2309-2076-2024-17-4-28-38>. <https://elibrary.ru/tvgbin>.
6. Gurov, O. N. (2023) The Fusion of Human and Machine: David Cronenberg's Perspective on the Problem of the Cyborg. *Technologos*, no. 4, p. 64. <https://doi.org/10.15593/perm.kipf/2023.4.05>. <https://elibrary.ru/laumeo>.
7. Devyatova, S. V., Kazaryan, V. P. (2021) The Problem of value and ethical guidelines in a digital society. *Sociopolitical Sciences*, vol. 11, no. 1, pp. 83–88. <https://doi.org/10.33693/2223-0092-2021-11-1-83-88>. <https://elibrary.ru/ooeyrd>.
8. Kozlova, N. Y. (2025) Conceptual Engineering and Parrhesia: To the Problem of Managing Subjectivity. *RUDN Journal of Philosophy*, vol. 29, no. 2, pp. 460–472. <https://doi.org/10.22363/2313-2302-2025-29-2-460-472>. <https://elibrary.ru/syviww>.
9. Kostolomova, M. V. (2022) On the question of transhumanism: the future of man in a new social reality. *Vestnik NSUEM*, no. 2, pp. 194–208. <https://doi.org/10.34020/2073-6495-2022-2-194-208>. <https://elibrary.ru/xtxwyy>.
10. Krivulya, N. G. (2022) Mechanomorphism — From Mechanical Dolls to Cyborgs: How Animation Characters Transform Under the Dominating Technogenic Paradigm. *The Art and Science of Television*, vol. 18, no. 1, pp. 159–194. <https://doi.org/10.30628/1994-9529-2022-18.1-159-194>. <https://elibrary.ru/axznom>.
11. Mironov, V. V. (2021) The Digital Construction of Reality and the Future of Man. *Russian Journal of Philosophical Sciences*, vol. 64, no. 4, pp. 9–17. <https://doi.org/10.30727/0235-1188-2021-64-4-9-17>. <https://elibrary.ru/wfmhgl>.
12. Oktan, A., Akyol Oktan, K., Con, G. (2023) Modular Bodies of Animated Characters and Posthumanist Connotations. *Corpus Mundi*, vol. 4, no. 2 (12), pp. 15–43. <https://doi.org/10.46539/cmj.v4i2.83>. <https://elibrary.ru/avkoi>.
13. Pertel, O. O. (2024) Body metamorphoses in digital fashion context. *Shagi/Steps*, vol. 10, no. 1, pp. 363–385. <https://doi.org/10.22394/2412-9410-2024-10-1-363-385>. <https://elibrary.ru/kcwgba>.
14. Pogorelskaya, E. Yu., Shtab, F. V. (2023) Digital Doubles and the New Ethics of the Information Age. *Bulletin of Liberal Arts University*, no. 4 (43), pp. 70–76. [https://doi.org/10.35853/vestnik.gu.2023.4\(43\).07](https://doi.org/10.35853/vestnik.gu.2023.4(43).07). <https://elibrary.ru/lbipgu>.
15. Popova, S. S., Bedenkova, A. S. (2024) Digital profile: issues of definition and use in public administration. *Lomonosov Public Administration Journal. Series 21*, vol. 21, no. 1, pp. 98–120. <https://doi.org/10.55959/MSU2073-2643-21-2024-1-98-120>. <https://elibrary.ru/anhltx>.
16. Rasina, E. O. (2022) Virtual self-image as a coping behavior complex strategy of an Internet user Research Result. *Research Result. Pedagogy and Psychology of Education*, vol. 8, no. 3, pp. 128–145. <https://doi.org/10.18413/2313-8971-2022-8-3-0-12>. <https://elibrary.ru/sizheq>.
17. Skorodumova, O. B., Matronina, L. F. (2025) Anthropological risks of artificial intelligence and GPT neural networks. *Manuscript*, vol. 18, no. 1, pp. 105–111. <https://doi.org/10.30853/mns20250017>. <https://elibrary.ru/rdwidxa>.
18. Smirnov, S. A. (2023) L.S. Vygotsky and the Digit: Challenge for Cultural-Historical Psychology. *Cultural-Historical Psychology*, vol. 19, no. 2, pp. 41–51. <https://doi.org/10.17759/chp.2023190205>. <https://elibrary.ru/zfrymw>.
19. Sokolov, B. G., Morina, L. P. (2021) Cyborg ontics. *Vestnik of Saint Petersburg University. Philosophy and Conflict Studies*, vol. 37, no. 1, pp. 136–153. <https://doi.org/10.21638/spbu17.2021.111>. <https://elibrary.ru/aumirf>.
20. Sokolovskiy, S. V. (2020) Cyborgs in Cyberspace: Contemporary Research in Cyber- and Digital Anthropology. *Etnograficheskoe obozrenie*, no. 1, pp. 5–22. <https://doi.org/10.31857/S086954150008752-7>. <https://elibrary.ru/avjzus>.
21. Solov'eva, L. N. (2024) Technique as the “last love” of humanity and the anthropomodifying factor in the information age. *Society: Philosophy, History, Culture*, no. 7, pp. 113–119. <https://doi.org/10.24158/fik.2024.7.14>. <https://elibrary.ru/ebhibj>.

For citing: Kwiatkowski, G. Ju., Grednovskaya, E. V., Kulzhanova G. T. (2026) "Digital Upgrade" of Man. *Sotsium i vlast/Society and Power*, 23 (1), pp. 63–75. <https://elibrary.ru/rkzljjs>.

SCIENTIFIC ARTICLE

EDN RKZLJS

HAC (Higher Attestation Commission) 5.7.7, 5.7.8
UDC 101.1:304.4 + 101.1:316 + 004.5

"DIGITAL UPGRADE" OF MAN

Georgij Ju. Kwiatkowski,

South Ural State University (National Research University),
Associate Professor, Department of Philosophy,
Cand.Sc. (Sociology),
Chelyabinsk, Russia.
SPIN 2026-5850
ORCID 0000-0003-3542-5626
Email: kwiatkowski_geor@mail.ru

Elena V. Grednovskaya,

South Ural State University (National Research University),
Head of the Philosophy Department,
Cand. Sc. (Philosophy),
Chelyabinsk, Russia.
SPIN 9097-0280
ORCID 0009-0005-0260-5438
Email: nebytiya_net@mail.ru

Gulbaram T. Kulzhanova,

Kostanay Academy of the Ministry of Internal Affairs
of the Republic of Kazakhstan named after Sh. Kabyibaev,
Professor, Department of General Legal Disciplines,
Cand. Sc. (Philosophy),
Kostanay, Republic of Kazakhstan.
SPIN 4441-0882
ORCID 0000-0001-6639-6683
E-mail: Gulbaram2012@mail.ru

ABSTRACT

Introduction. The modern world is characterized by a peculiar "digitalization fad," whereby digital copies are added to everything in unlimited quantities. In this regard, the authors of the article address the threats and risks associated with digital innovations, as well as the search for ways to understand predictive and preventive ideas in this regard. The processes of computer evolution, the creation of digital twins of not only inanimate objects, but also humans, require a conceptual justification for a kind of "digital upgrade" of a person, which has been gaining momentum in recent years, as stated in these publications.

The purpose of the study is to analyze attempts to construct a digital analogue of a person and continuously improve it: from the creation of a digital profile or avatar as a means of identification in the digital world and a digital passport in a medical institution to digital immortality and projects for "uploading" consciousness to an external medium.

Materials and methods. The study draws on systemic, anthropological, and axiological approaches, allowing us to identify the relationship between digital technologies, mental forms of influence, and empirical data on their application in various fields.

Scientific novelty of the study. A conceptualization of the "philosophical foundations" of "enhancement" of individuals and society is proposed. The article presents a conceptual justification for "digital upgrade": from computer modernization processes to the creation of digital twins. The specificity and role of "digital mediation" in the inculturation of modern humans is examined in the context of "human enhancement" technologies.

Results. A typology of simplifications of humans as systems is formulated, transferred in a reduced form from technical systems (in robotics, cybernetics, computer science, etc.) to humans, where the distinctions between humans and technical systems as objects are lost. It has been established that examples of such simplifications, widely represented in the works of our contemporaries, who use the tools of philosophy to manifest utopian technocratic ideas, are of a socio-psychological nature. It is established that examples of such simplifications are widely represented in the works of our contemporaries, who use philosophical tools to manifest utopian technocratic ideas. The principles underlying the analogies between humans and computers are presented, as well as the application of cybernetic systems principles (the principle of decomposition, openness, and compatibility) to their cognition and transformation. The specific nature of the "digital intermediary" as a technology for "human enhancement" is outlined in the effects of the "digital rift" in the sociocultural development of younger users. **Conclusions.** Understanding "human upgrade" as a technical and technological transformation of the human body and the consciousness embedded within it, in accordance with the principles of cybernetic system optimization, facilitating the deep interpenetration of the natural and artificial worlds, revolutionizes notions of the criteria for the authenticity and reality of human existence. This challenges humans, in their interactions with digital technologies, to maintain the role of "analog consciousness" as a reflective center, capable of asking questions, doubting, and making choices not predetermined by algorithms.

KEYWORDS

artificial intelligence,
digital twin,
digital upgrade,
socio-cyber-physical systems,
cyborg,
cyborgization,
anthropomodification

CONFLICT OF INTEREST

The authors declare that there is no conflict of interest.

DECLARED CONTRIBUTION OF THE AUTHORS

G. Yu. Kwiatkowski participated in developing the study concept, data collection, processing, and analysis, and writing the manuscript.

E. V. Grednovskaya participated in developing the study concept, data collection, processing, and analysis, and writing the manuscript.

G. T. Kulzhanova participated in the discussion of the study concept, data collection and processing, and writing the manuscript.

All authors read and approved the final version of the manuscript.

USE OF AI TOOLS

The authors declare that no generative artificial intelligence tools were used while writing the article.

Article received: 04.01.2026

Reviews received: 26.02.2026

Accepted for publication: 03.03.2026

Copyright: © Kwiatkowski G. Ju., Grednovskaya E. V., Kulzhanova G. T. (2026).

Published by Chelyabinsk branch of RANEPa.

Open access under CC BY-N